

А.С. Кожакметова* , **А.К. Казкенова**

Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан

*e-mail: a.kozhakhmetova@narhoz.kz

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Метафорическая модель ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ широко используется в разных языках мира и уже неоднократно была объектом лингвистических исследований. Цель статьи – сопоставить, как реализуется модель ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ в казахском и русском языках на уровне семантических ролей, в которых способны выступать обозначения таких базовых эмоций, как печаль, радость, гнев.

Примеры регулярного использования метафоры отобраны с использованием словарных и корпусных данных. Применение кластерного подхода в исследовании позволило охватить основные обозначения рассматриваемых эмоций. В рамках исследования особое внимание также было уделено семантике глаголов и прилагательных, которые, с одной стороны, поддерживают в метафорических контекстах связь с зоной-источником, а с другой – формируют представление о той или иной семантической роли и в целом определяют набор возможных семантических ролей в пределах заданной метафорической модели.

В статье описаны основные систематические сходства и различия между языками в том, какими способами в них концептуализируется ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ. Как показывает анализ, в казахском языке лексемы одного кластера тяготеют к выполнению одной и той же семантической роли, в то время как в русском языке наблюдается распределение разных лексем по нескольким семантическим ролям.

Полученные результаты имеют ценность для семантических и сопоставительных исследований. В частности, анализ семантических ролей позволяет существенно уточнить применение той или иной метафорической модели в конкретном языке.

Ключевые слова: метафора, семантическая роль, эмоции, казахский язык, русский язык.

A. Kozhakhmetova*, A. Kazkenova

Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: a.kozhakhmetova@narxoz.kz

Semantic Roles in the Metaphorical Representation of Emotions (Comparative Aspect)

The metaphorical EMOTION – LIQUID model is widely used in different world languages and has repeatedly been the object of linguistic research. The article aims to compare how the EMOTION – LIQUID model is implemented in the Kazakh and Russian languages at the level of semantic roles in which the designations of such basic emotions as sadness, joy, and anger can act.

Examples of regular use of metaphors are selected using dictionary and corpus data. Applying the cluster approach in the study made it possible to cover the main designations of the emotions under consideration. Within the framework of research, special attention was also paid to the semantics of verbs and adjectives, which, on the one hand, maintain a connection with the source zone in metaphorical contexts and, on the other hand, form an idea of a particular semantic role and generally define a set of possible semantic roles within a given metaphorical model.

The article describes the main systematic similarities and differences between languages in how EMOTION – LIQUID is conceptualized. As our analysis shows, in the Kazakh language, lexemes of the same cluster tend to perform the same semantic role. In contrast, there is a distribution of different lexemes in the Russian language in several semantic roles.

The results obtained are valuable for semantic and comparative research. In particular, the analysis of semantic roles makes it possible to clarify significantly the application of a particular metaphorical model in a particular language.

Key words: metaphor, semantic role, emotions, Kazakh, Russian.

А.С. Кожаметова*, А.К. Казкенова

Нархоз Университеті, Алматы қ., Қазақстан

*e-mail: a.kozhakhmetova@narхоз.kz

Эмоциялардың метафоралық көрінісіндегі семантикалық рөлдер (салыстырмалы аспект)

ЭМОЦИЯ – СҰЙЫҚТЫҚ метафоралық моделі әлемнің әртүрлі тілдерінде кеңінен қолданылады және бірнеше рет лингвистикалық зерттеулердің объектісі болды. Мақаламыздың мақсаты – ЭМОЦИЯ – СҰЙЫҚТЫҚ моделінің қазақ және орыс тілдерінде қайғы, қуаныш, ашу сияқты негізгі эмоциялардың белгілері әрекет ете алатын семантикалық рөлдер деңгейінде қалай жүзеге асырылатынын салыстыру.

Метафораны тұрақты қолданылу мысалдары сөздік және корпус деректерін пайдалана отырып таңдалды. Зерттеуде кластерлік тәсілді қолдану қарастырылып отырған эмоциялардың негізгі белгілерін қамтуға мүмкіндік берді. Зерттеу аясында етістіктер мен сын есімдердің семантикасына ерекше назар аударылды, олар бір жағынан метафоралық контексттерде қайнар көзімен байланысты сақтайды, ал екінші жағынан белгілі бір семантикалық рөл туралы түсінік қалыптастырады және жалпы алғанда белгілі бір метафоралық модельдегі ықтимал семантикалық рөлдердің жиынтығын анықтайды.

Мақалада ЭМОЦИЯ – СҰЙЫҚТЫҚ қандай тәсілдермен тұжырымдалатынын тілдер арасындағы негізгі жүйелі ұқсастықтар мен айырмашылықтар сипатталған. Талдауымыз көрсеткендей, қазақ тілінде бір кластердің лексемалары бірдей семантикалық рөлді атқауға ұмтылады, ал орыс тілінде әртүрлі лексемалардың бірнеше семантикалық рөлдерге бөлінуі байқалады.

Семантикалық және салыстырмалы зерттеулер үшін алынған нәтижелер құнды болып табылады. Атап айтқанда, семантикалық рөлдерді талдау белгілі бір тілде белгілі бір метафоралық модельдің қолданылуын едәуір нақтылауға мүмкіндік береді

Түйін сөздер: метафора, семантикалық рөлі, эмоциялар, қазақ тілі, орыс тілі.

Введение

Эмоции выступают определенными реакциями на те или иные события, происходящие в жизни человека. Потребность в именовании и описании этой важной универсальной¹ сферы человеческого поведения с помощью языковых средств возникла очень рано, но была сопряжена с преодолением проблемы недоступности эмоций для прямого наблюдения и трудностями их вербализации (Апресян, Апресян, 1993: 27). В этой связи можно говорить о том, что языковая репрезентация эмоций имела свой эволюционный путь, развиваясь сначала на основе метонимических переносов – от физиологических состояний к сопровождающим их эмоциям (ср. этимологию русских слов *стыд* (Фасмер, 1987, том III: 789, Арутюнова, 1997), *печаль* (Фасмер, 1987, том III: 224), *горе* (Фасмер, 1986, том I:

441) и др., а впоследствии обогащаясь в результате метафорических сдвигов широкого спектра – от конкретного / физического к абстрактному / эмоциональному; ср. с наблюдениями В.В. Колесова о роли метонимии и метафоры в истории языка (Колесов, 2010: 434-437).

При анализе метафорического обозначения эмоций разделяется мнение А. Вежбицкой о том, что в разных наименованиях могут отражаться разные стороны эмоционального концепта и, наоборот, при концептуализации одних и тех же эмоций используются разные способы их репрезентации, характерные для этих культур (Wierzbicka, 1986). Таким образом, на отмеченную психологическую универсальность природы эмоций накладывается культурная, в том числе этикетная, и языковая специфика их выражения.

Статья посвящена анализу метафорической модели ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ, представленной в казахском и русском языках. Соответственно, зоной-мишенью выступают эмоции (рассмотрены *печаль*, *радость*, *гнев*) и их обозначения в казахском и русском языках, а зоной-источником – представление о жидкости.

Широкое использование этой модели в разных языках мира легко объяснить тем, что основанием для отождествления эмоций с жидкими

¹ В психологии представлены разные версии универсального набора эмоций, присущих представителям разных человеческих сообществ. Так, согласно Р. Екман, существует 6 базовых эмоций: гнев, отвращение, страх, радость, печаль, удивление (Ekman, 1999). Carroll E. Izard выделяет 7 базовых эмоций: гнев, презрение, отвращение, горе, страх, вина, интерес (Carroll E. Izard, 1977). Keith Oatley и P.N. Johnson-Laird различают 5 базовых эмоций: гнев, отвращение, тревога, счастье, печаль (Keith Oatley, P.N. Johnson-Laird, 1987).

веществами является как «текучесть», изменчивость эмоциональных состояний, так и способность жидкостей выступать в разных ролях: стихии, среды и т.д. Кроме того, как отметил Дж. Лакофф, метафора жидкости поддерживается благодаря представлению о том, что «тело представляет собой вместилище эмоций» (Лакофф, 2004: 495).

Выбор печали, радости, гнева не случаен: для нас было важно, чтобы эти эмоции в обоих сопоставляемых языках могли описываться с помощью «жидкостной» метафоры. Напротив, такие эмоциональные состояния, как страх, удивление, отвращение, не включены в настоящее описание, так как в казахском языке по отношению к ним эта метафорическая модель не применяется.

Статья посвящена исключительно языковым метафорам, без учета художественных или авторских. Анализ этих метафор особенно актуален в сопоставительном аспекте, поскольку в этом случае можно увидеть как общие черты, так и уникальные, запрещающие буквальный перевод с одного языка на другой, но допускающие подбор равноценных эквивалентов².

Анализируя примеры, в которых представлена выбранная метафорическая модель, анализ включает не только указание на «зону-источник» и «зону-мишень», но и учет семантических ролей, в которых могут использоваться обозначения эмоций.

Внимание к семантическим ролям предполагает анализ семантики и структуры высказывания, в частности, глагольной и признаковой лексики: благодаря этим словам не только определяется валентность, но и поддерживается связь с «зоной-источником» (в нашем случае с таксономическим классом жидкостей) и создается метафорический образ эмоции-жидкости. Вместе с тем далеко не всегда глаголы и прилагательные однозначно указывают на метафорическое представление эмоций как жидкостей: так, казахский глагол *төгу* соотносится не только с жидкими, но и сыпучими веществами, а *остывать / остыть* характеризует не только жидкости, но и, например, твердые тела. Кроме того, смена таксономических классов в метафорических контекстах влияет на семантику глаголов (в частности, может меняться набор семантических ролей). Соответственно, данный

анализ раскрывает, чем отличается концептуализация жидкости в сопоставляемых языках и как меняется семантика глагольных и признаковых лексем в метафорических контекстах.

Материалы и методы

Исследование состоит из нескольких этапов. Первый из них связан с отбором языкового материала. На этом этапе важно было определить не только источники, но и принципы отбора материала. Вслед за В.Ю. Апресян, решено использовать кластерный подход, суть которого заключается в том, что каждый «кластер» задается на основе объединяющего все входящие в него эмоции прототипического сценария (Апресян, 2011). В каждом кластере приводится весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные типы и оттенки эмоции (например, для кластера 'печаль' – казахские существительные *мұң, қайғы, уайым* и пр.; русские существительные *тоска, грусть, уныние* и пр.). Кластерный подход к изучению языкового представления эмоций применим и к его частному случаю – метафорическому.

Для сбора и изучения эмпирического материала были использованы словари: казахского языка – Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 2011, Синонимдер сөздігі, 2007; русского языка – Малый академический словарь, Новый объяснительный словарь синонимов, 2003. Словари были необходимы для уточнения семантики обозначений эмоций, фактов полисемии, использования в составе устойчивых выражений и др. вопросов.

В ходе анализа использовались следующие корпуса: Алматинский корпус казахского языка (более 40 млн. словоупотреблений); Национальный корпус русского языка (более 2 млрд. слов); подкорпус Turkic web-Kazakh (139 млн. словоупотреблений), подкорпус Russian Web (9 млрд. словоупотреблений). Кроме простого поиска по ключевому слову, использовались функции «Скетчи», «Похожие слова», «Портрет слова» (Национальный корпус русского языка), «Word Sketch», «Thesaurus», «Show Visualization» (Sketch Engine). Преимущества корпусов определяются в том числе и тем, что они дают возможность отбирать контексты, регулярно повторяющиеся, не единичные, что особенно важно для подтверждения того, что метафора уже приобрела конвенциональный характер.

Таким образом, работа со словарями и корпусами позволила в рамках каждого кластера

² Ср. «Живые метафоры, в отличие от стершихся, мертвых, чаще всего переводимы» (Падучева, 2004: 171).

набрать перечень наименований эмоций и примеры их метафорического употребления.

Следующий этап связан с дальнейшей обработкой собранного материала уже внутри кластеров для каждого языка. Все примеры, собранные на предыдущем этапе работы, были размечены по семантическим ролям, в которых выступают наименования эмоций, и по тематическим классам, в которые входят глаголы и прилагательные, поддерживающие в метафорических контекстах связь с зоной-источником (жидкостью).

В результате был выявлен устойчивый и компактный набор семантических ролей. Именно такой набор позволяет организовать непротиворечивое сопоставление метафор казахского и русского языков. Так, с моделью ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ связаны следующие семантические роли: Эффектор, Конечная точка, Пациент / Средство. Эффектор – неодушевленный участник, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее и может даже изменить ее. Эффектор тождественен понятию «стихия». Роль Эффектора, как правило, подчеркивает пассивность или бессилие субъекта эмоции (Экспериенцера) перед эмоцией-стихией. С Конечной точкой связано представление о завершении движения, конце пути. Семантическая роль «Конечная точка» в русском языке, в отличие от казахского, детализируется предлогами и, соответственно, метафорически интерпретируется как закрытое пространство / контейнер или среда – при этом контейнер акцентирует внимание на границах закрытого пространства, а среда – на его содержании. Средство – это физическое средство (или некоторый расходуемый материал), с помощью которого возникает или выполняется действие. Как в прямых, так и в метафорических контекстах эта роль может дополняться чертами Пациента (Печеный, 2012). Семантические роли, как «глубинные» падежи, соотносятся с падежными формами, например, роль Конечной точки в казахском соотносится с барыс септік (датель-направительным падежом), а в русском языке – с винительным падежом в сочетании с предлогами.

Несмотря на устойчивость общего набора семантических ролей, их реализация в разных языках значительно различается.

На третьем этапе работы осуществляется сопоставление и интерпретация полученных данных в двух языках.

Задачи исследования определили выбор методов, важнейшими из которых являются описательный, сопоставительный методы, приемы корпусного анализа, метод лингвистического моделирования.

Собранный материал в будущем станет частью мультязычной базы данных, объединяющей метафорические модели, по которым разные эмоции получают языковое выражение. Кроме того, данная методика исследования внесет дополнения в описание метафор эмоций и, в частности, обогатит его примерами из казахского языка.

Обзор литературы

Метафорическое представление эмоций в разных языках как одно из многочисленных направлений исследований метафоры достаточно детально описано в лингвистике. С одной стороны, это следствие того, что метафора – один из основных способов концептуализации эмоциональной части внутреннего мира человека в разных языках мира. В этом смысле метафора определяет способ представления и восприятия эмоциональных состояний (ср. с главным тезисом книги G. Lakoff, M. Johnson «Metaphors we live by»). С другой стороны, метафоры эмоций являются наиболее частым и наглядным источником иллюстраций семантических сдвигов от мира конкретного, наблюдаемого (физического) к абстрактному, ненаблюдаемому (психологическому).

В казахском языкознании эмоции были предметом изучения в диссертационных работах Амалбековой, 1993; Сембаевой, 2002; Мұсабековой, 2005, Жонкешова, 2006 и др. Работы исследователей носят описательный характер и не содержат сопоставительного анализа с другими языками. При наличии ряда исследований о разных типах метафор: политической метафоре (Кусаинова, 2006); авторской метафоре (Рахимжанова, 2010); метафоре персонификации (Аманжолова, 2010); концептуальной метафоре (Оспанова, 2020) и др. до сих пор отсутствуют отдельные работы, посвященные исследованию метафор эмоций и эмоциональных состояний в казахском языке. Таким образом, метафоры эмоций в сопоставительном аспекте представляют собой привлекательную и перспективную тему для лингвистических исследований, одна из сторон которой освещается в данной статье.

Между тем выбранная для анализа метафора ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ давно зафиксирована лингвистами (Lakoff, Espenson, Schwartz, 1991), описана на примере разных языков: английского (Lakoff, 2004); английского и вьетнамского (NhuQuynh Luu Nguyen (Wynn Nguyen, 2015); американского английского, испанского, турецкого, венгерского (Kövecses et al., 2015).

При этом в статье нет механического переноса готовой методики описания метафор эмоций на материал казахского и русского языков. С одной стороны, анализ метафорической модели дополняется применением кластерного подхода В.Ю. Апресян (2011), благодаря которому источником являются не лексемы, а сами эмоции и учитывается по возможности весь спектр номинаций каждой эмоции.

С другой стороны, анализ предполагает определение семантических ролей, в которых могут выступать наименования эмоций в метафорических контекстах. Понятие семантической роли («глубинного падежа»), введенное в лингвистику Ч. Филлмором (Филлмор, 1968), позволяет в нашем случае моделировать метафорический контекст, в случае с языковыми метафорами повторяющийся в серии примеров, а также реконструировать его связь с исходной (неметафорической) ситуацией. Такой подход близок к «грамматическому», при котором фокус наводится на выбор предложно-падежных групп для описания некоторого эмоционального состояния, см., например, (Radden, 1998). Также были учтены исследования, в которых метафорические употребления, связанные с описанием эмоциональных состояний, дополняют описание семантики предложно-падежных групп в первичных (часто пространственных) контекстах (Kalyuga, 2020). Выбранный подход не только углубляет сопоставительный анализ, но и детализирует семантические различия между наименованиями одной эмоции (эмоционального кластера) в пределах одного языка.

Результаты и обсуждение

Внутрикластерное распределение семантических ролей в казахском и русском языках.

Кластер ‘печаль’

В обоих сопоставляемых языках этот кластер содержит ряды наименований-существительных, каждое из которых подчеркивает разные проявления этой эмоции. Ср.: *аза, қайғы, мұң,*

уайым, қасірет, зарлық и др., *печаль, грусть, тоска, уныние, скорбь* и др.

Как отмечает Е.В. Урысон, дифференцирующими признаками между русскими наименованиями эмоции в этом кластере могут быть отношение экспериенцера (субъекта, испытывающего эмоцию), степень глубины / интенсивности переживания, степень его неприятности, связь со свойствами личности и др. (Новый объяснительный словарь синонимов, 2003: 1165-1170).

Очевидно, что большая часть этих признаков может быть обнаружена и в семантике казахских слов. Наиболее сильной по глубине и интенсивности переживания в этом кластере является лексема *қасірет* – *басқа түскен уайым, қайғы, ішкі жан күйзелісі* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 9-том, 2011: 440), менее интенсивны *қайғы* – *күйік, қасірет, мұң-шер* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 9-том, 2011: 29) и *уайым* – *адамның жан дүниесіндегі сағынышпен, рухани мұқтаждықты сезінумен байланысты құлазу, қайғыру сезімі* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 14-том, 2011: 644).

Если анализировать семантические роли в метафорических контекстах, то в обоих языках в рамках модели ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ наиболее часто используемой является роль Конечной точки (а в русском языке – закрытого пространства или среды). Роль Конечной точки реализуются в сочетании с глаголами падения, погружения в жидкую среду: *қайғыға түсу / шому / бату / батыру, мұңға бату; впадать в уныние, погрузиться в печаль*.

(1) *Оқыған терең сырлы романдардан, Қайғыға түседі жүрек тасын.* (Найманбаев)

(2) *Сонау сағымданған тау сілеміндеі алыста қалған, қайта оралмас жастық шағы бір сәт көңілін тәтті мұңға батырып шымырлатып өтті.* (Сералиев)

(3) *Но однажды всю домашнюю библиотеку испахал вдоль и поперек и готов быть погрузиться в беспросветную печаль от вынужденного простоя.* (Белов)

Семантическая роль Конечной точки может поддерживаться и прилагательными. Так, образ закрытого пространства, заполненного стоячей жидкостью, наподобие болота, в обоих языках поддерживается прилагательными цвета: *қайғы, мұң – қоңыр, қара; уайым – сары; тоска – зеленая*. Интенсивность эмоции и «глубина» жидкой среды, из которой трудно выбраться, подчеркивается прилагательными *терең; глубокий*. «Неприятность» среды выражается прилагатель-

ными, обозначающими разные перцептивные ощущения: *ащы, суық; горький*.

Наименования печали также могут выступать в роли Пациенса или в русском языке в совмещенной роли Пациента / Средства: *Кеудесін мұңға толтырды; Излить тоску на кого-либо*. Здесь следует отметить, что далеко не все русские наименования печали могут использоваться в этой роли (**Наполнить душу унынием / скорбью*). В подобных контекстах создается образ эмоции-жидкости, которой кто-либо манипулирует – вливает в «сосуд» (человека, сердце, душу), т.е. навязывает это переживание другому человеку, или, наоборот, выливает ее, т.е. освобождает себя от этого переживания. Как видим, роль Пациенса / Средства также поддерживается глаголами определенных тематических групп.

Наконец, роль Эффектора в этом кластере оказывается возможной только для некоторых русских лексем – *тоска, печаль*, но опять же не *уныние* (*Тоска наполнила сердце*), но не казахских (ср. сомнительное: **Мұң жүрекке құйылды*). В русском языке образ эмоции-стихии создается с помощью глаголов со значением неконтролируемого заполнения пространства жидкостью (*наполнить, заполнить, хлынуть*) или глаголов, описывающих интенсивное движение волны сверху вниз (*накрыть, накатить*).

Таким образом, в казахском языке ‘печаль’ не находит выражения в роли Эффектора. Примеры русских слов также продемонстрировали ограничения для отдельных наименований печали.

Кластер ‘радость’

Этот кластер противоположен предыдущему по характеру выражаемой эмоции, но в обоих языках наборы семантических ролей в кластерах ‘печаль’ и ‘радость’ не являются однозначно противопоставленными друг другу. Иными словами, полярные эмоции (и кластеры) устроены не симметрично.

Для обозначения радости используются ряды слов в казахском (*қуаныш, шаттық, бақыт* и др.) и русском языках (*радость, счастье, восторг, ликование* и др.). С помощью разнообразных обозначений выражается разная степень интенсивности и продолжительности переживаемой эмоции.

В казахском языке *қуаныш, шаттық, бақыт* могут выступать в роли Эффектора в контексте глаголов *төгу, кернеу* и др.:

(4) *Барлық көздерден қуаныш төгіліп тұрғандай!* (Мүсірепов)

(5) *Ішінен: «Міне, менің әкем», – деп көңілін қуаныш кернеп барады.* (Ш. Айтматов) (URL: <https://qalamger.kz>)

(6) *Бұл бақыт енді менің жүрегімді күн сайын кернеп, оны үрген шардай тырсылдата керіп, жұқартып бара жатты.* (Нұршайықов)

(7) *Бар шаттық құйылды кеп жүрегіме.* (Нұршайықов)

Аналогичные контексты встречаются и в русском языке:

(8) *Дикая радость наполнила этого всегда сдержанного человека.* (Ефремов)

(9) *Меня переполняла радость от необыкновенного улова, комары отошли на второй план и были почти незаметны.* (Василиненко)

Помимо роли Эффектора, *радость, восторг, счастье* могут выполнять роль Пациенса / Средства:

(10) *На час-другой он стал хищным гладитатором, которого вытолкнули на арену знаменитого Колизея, все бывшие страхи колыхнулись в нем и подавились, бывшие же победы наполняли тело и душу восторгом скорой битвы.* (Азольский)

Роль Конечной точки иногда реализуется, но в контекстах с негативной оценкой, ср.: *впадать в восторг, эйфорию*.

На стыке ролей Места и Пациенса / Средства возникают употребления *захлебнуться от восторга* (в соответствии с этим образом эмоция-жидкость, в которую погружен человек, – это не только окружающее его пространство, она также проникает и в его тело):

(11) *Я лично захлебываюсь в восторге перед вами и перед вашей честностью.* (Мессерер)

Вероятно, близок к этой метафоре и фразеологизм *хлебнуть горя*, связанный с предыдущим кластером.

Кластер ‘гнев’

Дж. Лакофф и З. Ковечеш в своем совместном исследовании при анализе области-мишени ANGER (гнев) выделяют основные ее метафорические модели, одной из центральных которых является ANGER IS THE HEAT OF THE FLUID IN A CONTAINER (Lakoff, G. & Kövecses, Z., 1987: 198). Позже, в 1998 году, З. Ковечеш дополняет описание концепта ‘гнев’ другими метафорическими моделями, например: HOT FLUID IS A CONTAINER (*She is boiling with anger*) (Kövecses, 1998: 129). Лингвисты отмечают, что центральная метафора чрезвычайно продуктивна. Этот тезис будет проверен на материале казахского и русского языков.

Кластер *гнев* в казахском языке включает в свой состав следующие существительные: *ашу*, *ыза*, *қаһар*. Лексемы, входящие в кластер *гнев* демонстрируют экспрессивные стадии эмоции: *ашу* – *ыза*, *реніш*, *кейіс*, *бұлқан-талқан күй* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 2-том, 2011: 269), затем это переходит в *ыза* – *қатты қысқан ашу*, *қайнаған қыжыл* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 15-том, 2011: 631) и завершающим этапом выступает *қаһар* – *кәр*, *ашу*, *ыза*, *сүс* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 9-том, 2011: 515).

Единственной семантической ролью при описании этой эмоции является роль Эффектора. В этой роли эмоция *гнев* – это «жидкость», которая может неконтролируемо переполнять «резервуар», выходить наружу, проливаться, о чем можно судить по глаголам *тасу*, *кернеу*, *төгу*:

(12) *Жоқ, жоқ ашу тасыған дария тәрізді, алғышқы екпінімен жар бұзады, ал уақыт өткен сайын қарқыны бәсендей түседі.* (Есенберлин)

(13) *Осыны ойлаған сайын, жүрегін ыза керней бастады.* (Әуезов)

(14) *Кенесары да бұларға бәлендей қаһар төге қоймайтын.* (Есенберлин)

В русском языке синонимический ряд содержит такие лексемы, как *гнев*, *злость*, *ярость*.

При этом наименования гнева по-разному закрепляются за семантическими ролями. Так,

лексема *гнев* способна выступать в ролях Эффектора:

(15) *В нем уже закипал гнев. – Я проголодался, хочу пить и очень устал.* (Жерар);

Пациенса / Средства:

(16) *К тому времени, когда созревает серьезный повод для публичного недовольства, самые разные слои уже готовы выплеснуть свой гнев на улицах* (Коротко);

Конечной точки:

(17) *Его величество в справедливый гнев впадает, – шептались дружественные* (Евсеев).

Напротив, *злость* тяготеет к роли Пациенса, а *ярость* – к роли Конечной точки (*впадать в ярость*):

(18) *Но папа злится неправильно, он не изливает злость на других, он копит ее в себе.* (Янссон);

(19) *Он моментально впадал в ярость и в порыве гнева обладал феноменальной силой.* (Лондон).

С помощью прилагательных в обоих языках гневу метафорически приписывается высокая температура (ср. с *суық қайғы*).

Наблюдения позволяют предполагать, что в разных языках семантические роли варьируются в метафорических контекстах. Обобщим сделанные наблюдения в таблице 1:

Таблица 1 – ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ в казахском и русском языках: распределение семантических ролей по кластерам

Семантическая роль	Казахский язык	Русский язык
‘печаль’		
Конечная точка	<i>қайғы, мұң, уайым, қасірет, зарлық</i>	<i>тоска, уныние, печаль, грусть</i>
Пациенс / Средство	<i>қайғы, мұң</i>	<i>тоска, печаль, грусть</i>
Эффектор		<i>тоска</i>
‘радость’		
Конечная точка		<i>восторг</i>
Пациенс / Средство		<i>радость, восторг, счастье</i>
Эффектор	<i>қуаныш, шаттық, бақыт</i>	<i>радость, восторг, счастье</i>
‘гнев’		
Конечная точка		<i>гнев, ярость</i>
Пациенс / Средство		<i>гнев, злость</i>
Эффектор	<i>ашу, ыза, қаһар</i>	<i>гнев</i>

Выводы

Метафора ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ была проанализирована на примере кластеров ‘печаль’, ‘гнев’ и ‘радость’ в казахском и русском языках. Выявляя у каждой лексемы – обозначения эмоции ее способность выполнять ту или иную семантическую роль, мы опирались на глаголы и прилагательные, с помощью которых реализуется метафорическая модель. Например, роль Эффектора в обоих языках может выражаться с помощью глаголов, обозначающих неконтролируемое движение жидкости, а роль Конечной точки – с помощью глаголов падения или погружения в жидкость.

Вероятно, различное распределение по семантическим ролям свидетельствует о том, что в рамках одной метафорической модели (в нашем случае ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИДКОСТЬ) эти роли получают разное образное наполнение, в соответствии с тем, как концептуализируются эмоции в разных языках. Так, в казахском языке названия «более интенсивных», динамичных эмоций (например, радости или гнева) могут выполнять роль Эффектора, а «менее интенсивных», статичных (таких как печаль) – не могут. В русском языке роль Эффектора встречается в трех кластерах, соответственно, эта роль интерпретируется не столько как «более интенсив-

ная», сколько как неуправляемая, неконтролируемая стихия. Для выражения интенсивности или внезапности проявления эмоции в русском языке используются другие средства, например прилагательные температуры или глаголы падения.

Таким образом, разные по интенсивности эмоции в казахском поляризуются с помощью возможности / невозможности выполнения тех или иных семантических ролей, и лексемы одного кластера ведут себя относительно одинаково, а в русском языке разные лексемы, скорее, выполняют разные в заданном диапазоне семантические роли, тем самым «высвечивая» разные проявления одной эмоции.

Предложенный в статье алгоритм анализа представляет собой попытку сопоставительного описания метафор эмоциональных состояний, а предположение о различном использовании семантических ролей планируется проверить в перспективе на материале других метафорических моделей и языков.

Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP19177908 «Сопоставление метафорических моделей в казахском, русском, английском и немецком языках (на примере репрезентации эмоциональных состояний)»)

Литература

- Алматинский корпус казахского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus> (дата обращения: 21.12.2023).
- Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 63-88.
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.
- Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59-70.
- Бизаков С. Синонимдер сөздігі. – Алматы: «Арыс баспасы», 2007. – 640 с.
- Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2010. – 512 с.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 2-том / Құраст.: Ғ. Қалиев, С. Бизаков, О. Нақысбеков және т.б. – Алматы, 2011. – 744 б.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 9-том / Құраст.: Ә. Ыбырайым, А. Жаңабекова, Қ. Рысбергенова және т.б. – Алматы, 2011. – 744 б.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 14-том / Құраст.: М. Малмақов, Қ. Есенова, Б. Хинаят және т.б. – Алматы, 2011. – 800 б.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 15-том / Құраст.: А. Жаңабекова [ж. б.] – Алматы, 2011. – 827 б.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Малый академический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 21.12.2023).
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.12.2023).
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Москва; Вена: Языки славянской культуры. Венский славистический альманах, 2003. – 1488 с.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

- Печеный А.П. Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 11.12.2023).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прогресс, 1987. – 864 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прогресс, 1986. – 672 с.
- Carroll E. Izard Human Emotions. – New York: Springer New York, 1977. – P. 19-42.
- Ekman P. Basic Emotions // Handbook of cognition & emotion. – New York: Wiley, 1999. – P. 45-60.
- Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. – New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. – P. 1-88.
- Kalyuaga M. Russian Prepositional Phrases. A Cognitive Linguistic Approach. – Singapore: Springer, 2020. – 313 p.
- Keith Oatley and P.N. Johnson-Laird Towards a cognitive theory of emotions // *Cognition and Emotion*. Vol. 1 (1). –1987. – P. 29-50.
- Kövecses Z. Are there any emotion-specific metaphors? // Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1998. – P. 127-151.
- Kövecses Z., Szelid V., Eszter N., Blanko O. Anger Metaphors across Languages: A Cognitive Linguistic Perspective // Bilingual Figurative Language Processing. – Cambridge University Press, 2015. – P. 341-368.
- Lakoff G., Espenson J. and Schwartz A. Master Metaphor List. Second Draft Copy. – University of California at Berkeley, 1991. – 215 p.
- Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. – Cambridge University Press, 1987. – P. 195-221.
- NhuQuynh Luu Nguyen (Wynn Nguyen) The EMOTION-IS-LIQUID Metaphor in English and Vietnamese: A Contrastive Analysis // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 95, 2013. – P. 363-371.
- Radden G. The conceptualization of emotional causality by means of prepositional phrases // Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1998. – P. 273-294.
- Sketch Engine [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 20.12.2023).
- Wierzbicka A. Human Emotions: Universal or Culture-Specific? // *American Anthropologist*, New Series. Vol. 88, 1986. – P. 584-594.

References

- Almatinskij korpus kazahskogoazyka [Almaty Kazakh Language Corpus] [Electronic resource]. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus> (Date of use: 11.12.2023)
- Apresyan, V.Yu. (2011). Opyt klasternogo analiza: russkie i anglijskie emocional'nye koncepty [Experience of cluster analysis: Russian and English emotional concepts]. *Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]*. Vol. 2, P. 63-88. (in Russian)
- Apresyan, V.Yu., Apresyan, Yu.D. (1993). Metafora v semanticheskom predstavlenii emocij [Metaphor in the semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]*. Vol. 2, P. 27-35. (in Russian)
- Arutyunova, N.D. (1997). O styde i stuzhe [About shame and cold]. *Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]*. Vol. 2, P. 59-70. (in Russian)
- Bizaqov, S. (2007). Sinonimder sözdığı [Dictionary of synonyms]. Almaty. Arys baspasy. (in Kazakh)
- Kolesov, V.V. (2010). Istoricheskaya grammatika russkogoazyka [Historical grammar of the Russian language]. St. Petersburg. SPbGU. (in Russian)
- Qazaq ädebi tılınıñ sözdığı. (2011). [Dictionary of the Kazakh literary language]. 2-tom [Volume 2]. Almaty. (in Kazakh)
- Qazaq ädebi tılınıñ sözdığı. (2011). [Dictionary of the Kazakh literary language]. 9-tom [Volume 9]. Almaty. (in Kazakh)
- Qazaq ädebi tılınıñ sözdığı. (2011). [Dictionary of the Kazakh literary language]. 14-tom [Volume 14]. Almaty. (in Kazakh)
- Qazaq ädebi tılınıñ sözdığı. (2011). [Dictionary of the Kazakh literary language]. 15-tom. [Volume 15]. Almaty (in Kazakh)
- Lakoff, G. (2004). Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. Moscow. Languages of Slavic culture. (in Russian)
- Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogoazyka, (2003). [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow. Vienna. Languages of Slavic culture. The Vienna Slavistic Almanac. (in Russian)
- Paducheva, E.V. (2004). Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in vocabulary semantics]. Moscow. Languages of Slavic culture. (in Russian)
- Pechenyj, A.P. Russkaya korpusnaya grammatika [Russian Corpus Grammar] [Electronic resource]. URL: <http://www.rusgram.ru> (Date of use: 11.12.2023). (in Russian)
- Fasmer, M. (1986). Etimologicheskij slovar' russkogoazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow. Progress. (in Russian)
- Fasmer, M. (1987). Etimologicheskij slovar' russkogoazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow. Progress. (in Russian)
- Carroll, E. Izard (1977). Human Emotions. Springer New York, NY.
- Ekman, P. (1999). Basic Emotions. Handbook of cognition and emotion. New York. Wiley.
- Fillmore, Ch. J. (1968). The Case for Case. Universals in Linguistic Theory. New York. Holt, Rinehart, and Winston.
- Kalyuaga, M. (2020). Russian Prepositional Phrases. A Cognitive Linguistic Approach. Singapore. Springer.
- Keith, Oatley and P.N. Johnson-Laird (1987). Towards a cognitive theory of emotions. *Cognition and Emotion*.
- Kövecses, Z. (1998). Are there any emotion-specific metaphors? Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression. Berlin and New York. Mouton de Gruyter.

- Kövecses, Z., Szelid, V., Eszter, N., Blanko, O. (2015). *Anger Metaphors across Languages: A Cognitive Linguistic Perspective. Bilingual Figurative Language Processing.* Cambridge University Press.
- Lakoff, G., Espenson, J., Schwartz, A. (1991). *Master Metaphor List. Second Draft Copy.* University of California at Berkeley.
- Lakoff, G. & Kövecses, Z. (1987). *The cognitive model of anger inherent in American English. Cultural models in language and thought.* Cambridge University Press.
- Malyj akademicheskij slovar' [Small academic dictionary] [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Date of use: 11.12.2023)
- Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Date of use: 11.12.2023)
- NhuQuynh, Luu Nguyen (Wynn Nguyen) (2013). *The EMOTION-IS-LIQUID Metaphor in English and Vietnamese: A Contrastive Analysis // Procedia – Social and Behavioral Sciences.*
- Radden, G. (1998). *The conceptualization of emotional causality by means of prepositional phrases. Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression.* Berlin, New York. Mouton de Gruyter.
- Sketch Engine [Electronic resource]. URL: <https://www.sketchengine.eu> (Date of use: 20.12.2023)
- Wierzbicka, A. (1986). *Human Emotions: Universal or Culture-Specific? American Anthropologist, New Series. Vol. 88.*

Сведения об авторах:

Асель Кожакметова (корреспондентный автор) – доктор философии (PhD), постдокторант Гуманитарной школы Университета Нархоз (г. Алматы, Казахстан, эл. почта: a.kozhakhmetova@narhoz.kz);

Аимгуль Казкенова – кандидат филологических наук, доцент, профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз (г. Алматы, Казахстан, эл. почта: aimgul.kazkenova@narhoz.kz).

Information about authors:

Asel Kozhakhmetova (corresponding author) – PhD, postdoctoral fellow at the Humanitarian School of Narkhoz University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.kozhakhmetova@narhoz.kz);

Aimgul Kazkenova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Humanitarian School of Narkhoz University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: aimgul.kazkenova@narhoz.kz).

Поступила: 24 декабря 2023 г.

Принята: 4 декабря 2024 г.